

подходящих для этого методов и процедур познания. И это в полной мере отвечает специфике самого социологического знания, где объект исследования (в отличие от естественных наук), постоянно находится в движении, изменении, и социологический метод в своем развитии неизбежно должен следовать за изменяющимся объектом.

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. М., 1986. С. 100.

² Вагнер Г. Социология: к вопросу о единстве дисциплины // Теория общества. М., 1999. С. 256.

КУЛЬТУРНАЯ ОППОЗИЦИЯ КОНФОРМИЗМ – НОНКОНФОРМИЗМ В ПЕРСОНАЛИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

В. М. Куприянова

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

В начале XX века в русской культуре складываются принципиально новые условия функционирования оппозиции *конформизм – нонконформизм*. В это время более чем столетние размышления и дискуссии о социальном устройстве и его усовершенствовании получают вполне реальное воплощение. Изучение данного периода, возможно, позволит установить характер взаимосвязи, существующей между историческими катаклизмами и изменениями картины мира носителей русской культуры.

Одной из крупнейших фигур в философской и общественной мысли этого времени является Н. А. Бердяев, для которого проблема свободы и рабства, подчинения и неподчинения, конформизма и нонконформизма, согласно его собственным неоднократным высказываниям, всегда была основной. Об этом свидетельствует и тематика произведений мыслителя, будь то историософские, теософские или критические работы.

Применительно к культуре XIX века можно вести речь о трех основных сферах, в которых могут иметь место факты *конформизма*

и *нонконформизма*: это сферы внутренней, психической жизни человека; межличностных отношений; глобальных социальных отношений и исторических событий. В каждой действуют различные субъекты, объекты и причины подчинения или неподчинения. Мы попытались проследить, какие изменения претерпевает их состав в мировоззрении Бердяева.

В первую очередь следует отметить, что сфера социальных отношений для философа вообще не является областью функционирования оппозиции. Конформизм есть способ существования человека как члена общества, не зависящий от особенностей социального устройства и идеологических установок индивидуума. Ни одна революция, ни один переворот не могут изменить ситуацию и сделать человека действительно свободным. Таков итог размышлений и наблюдений Бердяева. Многие понятия в связи с этим перемещаются с одного «полюса» оппозиции на другой, а термины, их обозначающие, употребляются в несвойственных им контекстах. Так, противоположный «заряд» получают *демократия, равенство, бунт* (в традиционном значении), *революция*. То, что представлялось апофеозом нонконформизма, он расценивает как ничего не дающую перестановку (кстати, вполне обратимую): рабы и господа просто меняются местами, но ни те ни другие не становятся от этого более свободными. В рамках социума свобода выбора между подчинением и неподчинением, представление о которой было характерно для русской культуры XIX века, является, по Бердяеву, абсолютно иллюзорной.

С этих позиций Бердяев рассматривает и социализм как идеологию и форму общественного устройства. Эту тему он развивает в постоянном диалоге с Достоевским: «Народопоклонство Достоевского потерпело крах в русской революции. Его положительные пророчества не сбылись. Но торжествуют его пророческие прозрения русских соблазнов»¹. Однако критику большевистского социализма Бердяев строит на иных основаниях, нежели большинство представителей русской интеллигенции, не принявших революцию.

Во-первых, большевизм, по его мнению, это не случайно возникшая или искаженная форма социализма, а его неизбежное логическое завершение. Полное приятие тех дьявольских соблазнов, которые владели всеми без исключения деятелями левой ориентации, не только не приближает, но и бесконечно отдаляет свободу, как это

показал Достоевский в «Легенде о Великом Инквизиторе», кстати, чрезвычайно ценимой и почитаемой Бердяевым.

Во вторых, борьбу за уничтожение социализма в России Бердяев считает столь же непродуктивной в смысле освобождения человека, сколь и саму революцию. С ней не нужно бороться – ее нужно преодолеть.

В-третьих, философа вовсе не пугает классовая ориентация русской революции. Напротив, в марксистском учении он видит некую социальную правду (но не правду духовную). Ни при одной из когда-либо существовавших форм общественного устройства человек не был более свободен, чем при других. Власть денег и диктатура пролетариата в одинаковой степени основаны на насилии.

К избавлению от рабства не приводят и попытки человека «сменить» социальную реальность на реальность природную. Господство телесности, удовлетворение исключительно естественных потребностей плоти сковывают так же прочно и необратимо, как и узы гражданские, коллективные, общественные.

В чем же реализуется неконформистский пафос историософии Бердяева? Если государство, общество, коллектив и все их атрибуты представляют собой сферу тотального конформизма и не дают даже потенциальных возможностей его преодоления, то свобода и неподчинение могут характеризовать только личность.

Сам Бердяев (а вслед за ним – его читатели, исследователи и критики) называет свою философскую концепцию **персоналистской**. При этом он вводит противопоставление **персонализм – индивидуализм**, которое имеет немаловажное значение для анализа исследуемой оппозиции. В его основе лежит разведение понятий *личность* и *индивидуальность*, хотя соответствующие языковые единицы в обычном словоупотреблении зачастую выступают в качестве синонимов. Данная пара, если брать интересующий нас аспект, как ни странно, дублирует оппозицию *личность – социум*. Это объясняется тем, что индивидуальность в понимании Бердяева есть общественная ипостась человека, совокупность свойств, отчасти унаследованных, а отчасти – приобретенных им в ходе пребывания в социальной среде. Вследствие этого индивидуальность также оказывается безраздельно принадлежащей к сфере конформизма, приспособления к обстоятельствам, подчинения установленному порядку. Крайней формой индивидуализма философ считает эгоцентризм.

И все же в сфере внутренней жизни человека, как и в сфере межличностных отношений, противостояние конформизма и неконформизма не рассматривается как фикция. Напротив, именно здесь возможен прорыв к свободе, не имеющей никакого отношения к мнимой независимости, доступной в пределах существующей природной и социальной реальности. Единственным потенциальным носителем свободы Бердяев считает личность, которая, как уже говорилось, альтернативна индивидуальности.

Рассматриваемая нами оппозиция – это, в сущности, одна из форм противостояния личности и мира, личности и истории, личности и общества.

Личность, по определению Бердяева, не может быть подчинена кому- или чему-либо, она вообще не выступает в качестве объекта. Это не означает, что личность изолирована от мира – она включает мир в себя. Внешним проявлением таким образом понимаемой независимости становится отрицание традиционной системы нравственных ценностей, направленное не на ее «пересмотр», а на придание самому понятию «ценность» нового смысла. «Универсальное и так называемые сверхличностные ценности принадлежат не к миру объективности, а к миру субъективности. Объективация универсальных ценностей и порождает рабство человека»². Утверждение субъективной природы универсального послужило основой для расхождений с традиционной христианской доктриной. В персоналистском понимании Бог характеризуется как личность. Категории господства и подчинения неприменимы к взаимоотношениям человека и Бога, которые принадлежат к сфере свободы. Человек-личность создается только в экзистенциальном общении с Богом. Любая попытка обрести свободу вне Бога, в рамках природного или социального существования, приводит лишь к новой форме рабства.

Сфера межличностных отношений, в отличие от социальной, не изолирована от проявлений реальной независимости. Характер взаимоотношений между людьми зависит от их обоюдной способности воспринимать партнера как личность, субъект.

В целом облик оппозиции, сложившийся к концу XIX века, претерпевает у Бердяева существенные изменения. Та унификация, которой Бердяев подвергает самые разноплановые социальные и природные явления, включая их в сферу тотального конформизма, вероятно, является одним из следствий глубокого разочарования в пози-

тивных общественных и нравственных идеалах предшествующей эпохи. Однако вряд ли можно говорить о том, что его размышления отражают метаморфозы, произошедшие в национальной картине мира. Скорее они находятся в русле тенденций, которые прослеживаются в европейской философии и художественной культуре первой половины XX века: многие направления в это время возникают как реакция на «массовизацию» культуры, повсеместную замену уникального шаблонным, а персонального – коллективным. Стремление противостоять окончательному растворению Я в Мы – один из главных мотивов философского творчества Бердяева, для которого выбор между конформизмом и неконформизмом был не моментом отвлеченного философствования, а вопросом смысла собственного существования.

¹ Бердяев Н. А. Духи русской революции // Лит. учеба. 1990. № 2. С. 134.

² Там же. С. 22.

ОБРАЗ РИМА У ГЕТЕ И БРОДСКОГО

А. В. Ерохин

*Институт социальных коммуникаций
Удмуртского государственного университета*

«Римские элегии» Гете и Бродского отличаются полифонической структурой времени-пространства. Настоящее время доминирует в теме Рима – Вечного города. Время Рима – «остановившееся мгновение», застывшее время, полдень империи. Время «Римских элегий» Бродского – август, у Гете это позднее лето и осень, время сбора урожая. Рим у Гете и Бродского – большой мир, укрывающий в себе малое, интимное человеческое бытие, отличающееся особой чувствительностью, хрупкостью и даже «ничтожностью» (у Бродского). Для Гете Рим – не только «вожделенный кров», но и источник вдохновения. Традиционное поэтическое обращение к богам или к музам с просьбой о вдохновении Гете заменяет обращением с аналогичной просьбой к Риму. Гете апеллирует к женскому началу в Риме, противопоставляя его «мужскому», имперскому Риму Цезарей. Однако обращение к Риму, открывающее гетевские элегии, двоякого рода: оно содержит